

ЧАСТЬ 1

Как воск, моя душа

И дал нам Бог клочок земли,
Затем вручил любви лучи,
Чтоб мы учились их нести

Уильям Блейк,
строфа из стихотворения
«Черный мальчик»¹

¹ Пер. И. Рожновой

Примечание автора: некоторые католические термины переданы общеупотребительным обозначением, используемым в католицизме, а не по правилам передачи заимствованных слов.

— 1 —

У каждого в жизни случаются незабываемые моменты. Они так мучительны, так прекрасны или же, как шрамы от ран, все еще саднят. И, вспоминая те времена, нам кажется, что из глубины бьющегося сердца прорастают холодные белые грибы...

— 2 —

В тот год три человека покинули меня. Я и после сталкивался и с трудностями, и со смертью, а порой мне приходилось переживать и горестные расставания, но ни одно из них не перевернуло всю мою жизнь настолько сильно, как события того года. Наверное, причина этого кроется в моей юности... Тогда я был молодым монахом бенедиктинского ордена, готовившимся к рукоположению в духовный сан священника.

— 3 —

Описать жизнь монахов, будь то бенедиктинцы, францисканцы или кармелиты, даже верующему католику не так-то просто. Если вопрос будет звучать в мирском

ключе, то можно ответить по-простому: дескать, это — братья или сестры, живущие общиной и давшие обеты нестяжания, безбрачия и послушания. Кто-то назвал монахов «людьми, которые оставили мир, чтобы услышать давно забытый таинственный голос, сокрытый глубоко внутри». А один молодой испанский монах в начале двадцатого века даже сказал, что это «те, кто бросил всё ради обретения самого ценного на свете».

Навряд ли эти несколько определений дали вам хотя бы приблизительный ответ, что есть жизнь отдельно-го монаха. Лучше я в таком случае воспользуюсь словами монаха-трапписта Томаса Мертон: он назвал пылких поэтов Бодлера и Рембо евангельскими христианами — и притом без всякого колебания. Своих современников — Хайдеггера, Камю и Сартра — Мертон тоже приравнивал к монахам за их «отчаянную готовность к смерти, осознание всей бездны человеческой ничтожности, исследования неоднозначности людской натуры и призывы к освобождению». Мне эти его сравнения понравились больше всего. Описывая чью-то жизнь, самым удачным решением будет сравнить ее с чем-то живым. Например, с чем можно сравнить бегущую реку? С годами, временем, жизнью или же с облаками, гонимыми ветром. Это если обратиться к таким вот «текучим» понятиям.

— 4 —

Что касается жизни в монастыре, то первое, с чем мне пришлось иметь дело, — тишина. Находясь здесь, я понял, что тишина — это не просто состояние безмолвия или отсутствия какого-либо шума. Это не промежуток

между звуками, а напротив — весьма активное слушание, если так можно выразиться. Тишина необходима, чтобы за пределами внешнего шума, за пределами ощущений почувствовать истинные, глубинные переживания.

Когда я впервые приехал сюда и застыл на месте во время одной из прогулок, то уловил звуки, ранее заглушаемые собственными шагами. И хотя резиновые подошвы сандалий были практически бесшумными и не издавали громкого стука, во время остановки меня настигло бесчисленное множество того, что заглушалось до этого их тихим шлепанием: шорох сдуваемого снега, скопившегося на ветвях сосны; шум голых веток, слегка колышущихся на ветру; копошение насекомых глубоко под землей; скрип, исходящий от корней деревьев, мало-помалу проникающих в глубину земли своими тонкими пальцами... Не был ли тот шепот нежного дуновения ветерка, улавливаемый моим слухом, звуком вращающейся Земли? Именно в такие моменты вселенная, Бог или человеческая жизнь очень деликатно выказывали мне свое присутствие. Бывало порой, что Небеса вдруг открывались для меня и в душу изливалось необычайное спокойствие, которое невозможно выразить словами.

-. 5 .-

До наступления того года монастырская жизнь меня вполне устраивала. Я даже полюбил распорядок дня с пятикратной молитвой, а занятия по теологии, которые продолжились после перевода в семинарию, несмотря на сложность, оказались весьма увлекательными. Кроме того, я успел завоевать доверие у старшей братии и начальства.

У меня было стремление постичь мир и исследовать вселенную.

А как я любил стеллажи, взмывающие до высоченного потолка монастырской библиотеки! Там томилась в ожидании моих рук и глаз книги, вобравшие в себя мудрость более чем двухтысячелетней истории христианства. Вознамерившись перечитать их все до единой, я каждый день просиживал в библиотеке. После обеда, утомившись чтением, я прогуливался по монастырю. И полувековые деревья с мощными стволами в несколько обхватов безмолвно выстраивались на моем пути, как будто подбадривая.

Тогда мне еще изредка приходили письма от друзей, что остались в университетском городке, где всю гуляли, учились на курсах и готовились к государственным экзаменам на посты госслужащих. Оттого я ощущал себя альпинистом, покинувшим своих спутников у подножия горы национального природного заповедника и в одиночку восходящим по горной тропе к вершине. Конечно же, не обошлось без гордыни: я сам себе казался избранным и достойным наслаждаться подобной роскошью. Тем, кто в свои двадцать с небольшим лет уже познал вкус тишины и кого природа в каждый сезон года одаривала своими восхитительными подарками.

Так я думал о самом себе, пока не наступил тот год.

— 6 —

Само собой, монастырская тишина после суматошной жизни в миру не стала для меня вдруг приятной. Наверное, мой первый день прибытия в обитель мне и запомнился именно из-за этого безмолвия. *Монастырь W* находился

прямо за зданием вокзала — пешком до него добираться было менее пяти минут. Когда я сообщил о цели визита на главном входе монаху-привратнику, тот, сказав, что аббат¹ ожидает меня, поднялся и проводил меня. Видимо, моя бабушка успела позвонить ему и предупредить о моем приезде. С раннего детства мы с ней часто сюда наведывались. Однако мои нынешние ощущения — ощущения человека, намеревающегося остаться здесь насовсем, совершенно отличались от прежних — тех, что хранились в памяти после кратковременных визитов в прошлом. Ведь взгляду того, кто переезжает навсегда, доступно то, что недоступно взгляду путешественника.

Внутри монастырь, контрастируя с внушительным внешним видом, был устроен очень просто. В длинных переходах царил сумрак и тишина. На входе красовалась надпись «Ora et Labora» — «Молись и трудись!» — знаменитые слова Бенедикта, и «Если любишь истину, больше всего люби тишину».

Брат-привратник дежурным тоном проговорил: «Выключите мобильный телефон». Когда я вынул его из кармана пальто и отключил, мне тут же показалось, будто кто-то щелкнул выключателем и на моем слуховом нерве, который до этого улавливал звуки оживленной улицы. Я почувствовал, как в одно мгновение сдавило сердце, и непонятно отчего к горлу подступил комок. Захотелось рыдать.

Итак, шумная завеса суеты была опущена, и наступила тишина.

¹ Abbas (лат.) — настоятель монастыря. — Прим. авт.

— 7 —

Тишина была подобна темному зеркалу, которое просвечивало меня насквозь — через плоть до костей, независимо от того, сколько одежды на мне надето. Сначала это испугало. Я жаждал тишины, готовясь к монастырской жизни, но не предвидел, настолько она могущественна.

Не помню, произошло ли это на самом деле, но, кажется, я нерешительно оглянулся. Гудок отправляющегося поезда, доставившего меня сюда, был похож на слуховую галлюцинацию. В этом поезде будто осталась моя недолгая юность. Галдеж и желания, удовольствия и похмелье, беспокойство и рыдания, зависть и ревность... Сделав еще один шаг в мягкий сумрак длинного коридора, я, словно мельком, увидел первозданность своей обнаженной души в просвете опускающейся завесы мирской суеты.

— 8 —

Вопросы «Почему ты решил стать монахом?» и «Для чего пришел в этот монастырь?» для меня сложнее, чем вопрос «Как ты жил и как собираешься жить впредь?». И, хотя я мог бы сказать, что это как-то связано с моей бабушкой, объяснить ощущение моей принадлежности именно к этому монастырю не представляется возможным. Видимо, поэтому люди и выдумали слово «призвание». Оно происходит от латинского слова vocare — «призывать». Если вы спросили бы меня: «Почему ты здесь?», я бы ответил: «Я лишь отозвался на Его призыв. И вот я здесь, Господи!»

— 9 —

Чтобы попасть в кабинет аббата — настоятеля монастыря — мы пошли по длинному коридору. И сразу же я увидел идущего к нам навстречу из дальнего конца человека. Впоследствии я узнал, что это монах Томас, которому тогда было за семьдесят. Он покинул родную Германию и поселился в Корее еще в ту пору, когда монастырь находился в Тогвоне, на территории нынешней Северной Кореи в провинции Хамгён-Намдо, и все это время жил в этой общине. Достигнув пожилого возраста, он отошел от своих обязанностей и в общем-то мог бы спокойно отдыхать, никто его не упрекнул бы, однако он проводил время либо за чтением книг, либо выполняя какую-то необременительную работу. Часто его можно было увидеть со шваброй в руках в длинных коридорах монастыря. Если в девизе «Молись и трудись» и заключался долг монаха-бенедиктинца, то Томас, несомненно, остался верен ему до дня своей смерти. В момент моей первой с ним встречи он, державший в руках огромную швабру и протиравший пол, произвел на меня неизгладимое впечатление. Закатный свет, проникающий через окна, выходящие на запад, смягчал сумрак в коридоре, и монах Томас был похож на священную рыбу, медленно плывущую в этом полумраке.

Когда я быстрым шагом приблизился к нему, он разогнулся и поднял голову, а, встретившись со мной взглядом, улыбнулся. Он оказался довольно невысоким для немца, лицо покрывала сеть морщин. Я до сих пор не знаю, почему в то мгновение от макушки до пят меня охватила какая-то дрожь. Даже по прошествии долгого времени я часто думал, что ясность, простота или даже отстраненность

в его взгляде, незатейливое благословение или молитва обо мне — молодом человеке, просвечивающие в этой улыбке, вели меня по жизни и после той встречи.

В разговоре с настоятелем на вопрос, почему хочу стать монахом, я ответил так:

— Потому что хочу жить и умереть, как тот пожилой монах, что до блеска натирает шваброй коридор.

После моих слов аббат опустил чашку чая на стол и внимательно взглянул на меня. На его округлом животе заколыхался крест на цепи. После минутного раздумья над значением моих слов он с улыбкой проговорил:

— Правда? Ну что ж, хорошо, но не торопись.

— 10 —

Сейчас я пишу эти строки, сидя в своем кабинете в монастыре. Я всегда чувствовал — в нашей жизни никогда не знаешь, что ждет впереди — но до вчерашнего вечера даже и представить не мог, что в памяти всплывет пережитое мною десять лет назад.

Вчера после вечерней молитвы меня вызвал к себе аббат Самуил. После того как настоятель, принявший меня в обитель, отошел от дел и отбыл в женский монастырь на побережье Масана в качестве капеллана, аббатом был избран отец Самуил.

Выборы в бенедиктинском ордене проходят весьма необычным образом, без предварительного определения кандидатов. Каждый пишет имя желаемого избранника. Тот, кто набрал две трети голосов, становится настоятелем и с этого момента полностью отвечает за все дела в обители. Некоторые даже считают,

что знаменитый конклав, избирающий папу римского особым способом, берет свое начало в традиции бенедиктинцев. Конклав в переводе с латыни означает «под ключ» и следует из обычая кардиналов запирать дверь снаружи, когда они входят в зал для голосования. В конклаве нет кандидатов, не проводится предвыборная кампания, и во время выборов нельзя ничего обсуждать. В Бенедиктинском ордене — то же самое. Всего проводится четыре этапа голосования. Если никто за все это время не набрал две трети голосов, то дополнительно вводятся пятый и шестой этапы, во время которых набравший больше половины голосов считается избранным. Если же настоятеля получилось избрать только во время седьмого тура, сан аббата ему не присваивается, он просто именуется управляющий делами, а через три года снова проводятся выборы. Несмотря на необычность этой процедуры избрания руководителя, который будет служить бок о бок с братьями всю свою жизнь, это довольно разумный подход.

Во всяком случае, нынешний аббат Самуил был избран именно таким образом. Я хорошо знал его еще в ту пору, когда он был молодым священником, и пользовался его доверием. Поэтому просьба прийти вчера вечером не показалась мне необычной.

Однако когда я отворил дверь в его кабинет, то почувствовал, что что-то здесь не так. Аббат услышал, что я вошел, но лицом ко мне не повернулся.

За окном опускался ночной туман.

Я взглянул на его спину и почему-то даже по ней догадался, что сейчас он принимает какое-то очень серьезное и трудное решение. Весь его вид выказывал неуверенность. Настоятель явно размышлял над тем, а правильно ли он собирается сейчас поступить... Он всегда был сдержан и невозмутим, что иногда расценивалось нетерпеливыми послушниками и монахами, живущими здесь, как медлительность или нерешительность, и часто доводило их до белого каления. Однако в тот день я осознал, что все эти толки о его характере были слишком поспешными.

— Вы меня вызывали, настоятель?

Услышав меня, он медленно повернулся. Его взгляд говорил о том, что сейчас он вернулся из далеких мысленных странствий.

— Отец Йохан, проходите. Присаживайтесь!

Мне показалось, будто настоятель находится в некотором замешательстве, словно только сейчас осознал, что вызвал меня к себе. Он предложил мне стул и устроился напротив. Какое-то время он сидел, сложив руки в молитвенном жесте и опустив глаза. Я даже представить не мог, о чем пойдет речь. Мы прожили с ним эти двадцать лет как отец и сын. Очень мягкий и уравновешенный, но при этом суховатый, обычно он не выказывал свои чувства перед братьями. А я еще и принадлежал к числу тех, кто знал его довольно хорошо.

— Что ж, начну с простого, хотя не знаю, так уж ли это будет просто. Во всяком случае, я вызвал вас, во-первых, по делу, а во-вторых — по личному вопросу. Первое...

Тут он приостановился. Видимо, личный вопрос не давал сосредоточиться даже на несложном служебном моменте.